

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

ВЕЛИКОРУССКИЕ СКАЗКИ И. А. ХУДЯКОВА

М.—Л., 1964, 301 стр. В серии «Памятники русского фольклора»

Свыше 100 лет назад вышли в свет три выпуска «Великорусских сказок» И. А. Худякова, которому, как отмечает В. Г. Базанов, «принадлежит заслуга первого собирателя сказок в народной среде и первого издателя научно достоверных и надежных материалов». Издание это давно стало библиографической редкостью. Поэтому сам факт переиздания сказок Худякова, свидетельствующий, между прочим, и об отношении советской фольклористики к прогрессивным традициям дореволюционной науки, не может не вызывать глубокого удовлетворения.

В издание, подготовленное В. Г. Базановым и О. Б. Алексеевой, вошли все тексты из выпусков 1860—1862 гг. с учетом тех исправлений, которые сам Худяков успел дать в «опечатках» к 3-му выпуску. Помимо этих сказок, в новое издание по праву включены также 10 текстов, случайно сохранившихся в бумагах одного из членов ишутинского кружка Н. П. Страндена, и 8 русских же сказок, записанных Худяковым в якутской ссылке. Таким образом, в новое издание «Великорусских сказок» Худякова вошло 140 текстов. Сборнику предшествуют предисловье, в котором излагаются цензурная судьба сказок Худякова и принципы нового издания, и обширная статья В. Г. Базанова «Накануне „хождения в народ“», посвященная жизни и деятельности Худякова. В конце сборника помещены комментарии к сказкам, указатель сюжетов по системе Аарне — Андреева, указатель соответствия номеров текстов первого и настоящего изданий, библиография работ Худякова и литературы о нем.

В целом положительно оценивая совершенную В. Г. Базановым и О. Б. Алексеевой работу, мы, однако, считаем полезным указать на недостатки издания и дополнить материалы сборника своими замечаниями.

Прежде всего нас удивило то, что во вступительной статье собственно сборнику сказок Худякова уделено самое незначительное место. Нам понятен характер вступительной статьи, поскольку она логически следует за предшествовавшими работами В. Г. Базанова¹. И все же логика этого рода при издании сказок Худякова не должна была бы господствовать. Это тем более важно, что хотя едва ли не каждый историк русской фольклористики считал нужным упоминать о «Великорусских сказках», но скромный анализ этого сборника, и то полвека назад, дал всего лишь один исследователь — С. В. Савченко в ряде разбросанных по всей его работе замечаний².

Повествуя о цензурной судьбе сборника Худякова, составители нового издания как-то не стремятся подчеркнуть, что Худяков располагал значительно большим количеством текстов, нежели смог их опубликовать. Уже спустя полгода после выхода

¹ См., например, его работы в журнале «Русская литература»: «Новые люди или нигилисты», — «К истории русского демократического народоведения» (1959, № 2); «Капитон Сунгуров и его записная книжка» (1962, № 1); «И. А. Худяков и покушение Каракозова» (1962, № 4); «Илья Муромец — крестьянский революционер» (1963, № 1); «Ипполит Мышкин и его речь на процессе 193-х» (1963, № 2); «Александр Ливанов и его трактат „Что делать?“» (1963, № 3).

² С. В. Савченко, Русская народная сказка (История собирания и изучения), Киев, 1914. О Худякове и его сборнике см. стр. 9, 23, 39—42, 54, 142, 144—146, 148—150, 151, 175, 245—246, 249, 298, 439, 464, 529. В библиографии В. Г. Базанова и О. Г. Алексеевой почему-то дается ссылка лишь на стр. 148—151.

первого выпуска, защищаясь от нападок рецензентов, Худяков писал: «Многое печатается, а еще более готовится до более благоприятных, не зависящих от нас обстоятельств»³. В частности, если говорить о географии записи сказок, то Худяков записывал в с. Крылатове Московского уезда, как указывает М. М. Клевенский⁴. Он же указывает на то, что в Тамбовской губернии Худяков записывал сказки, например, в с. Бедишеве Темниковского уезда. Между тем, указания М. М. Клевенского почему-то не приняты во внимание составителями второго издания. И хотя мы, быть может, никогда больше ничего не узнаем о неопубликованных сказках Худякова, мы обязаны учитывать и подчеркивать то обстоятельство, что Худякову не удалось опубликовать всех своих записей.

Цензурный произвол, о котором говорят В. Г. Базанов и О. Б. Алексеева, сказался не только на качестве опубликованных сказок, но и оказал сильное влияние на состав сборника. Из 122 текстов, вошедших в первое издание, 82 сказки — волшебные, 28 — новеллистические, 2 — контаминация волшебных и новеллистических сюжетов, 9 сказок легендарного типа и быличек, одна сказка — сюжет «Медведь на липовой ноге», АП 161⁵. Интересно, что большинство новеллистических сказок (17 текстов) опубликовано во втором выпуске, подписанном цензором А. Петровым за четыре дня до того, как в Петербурге и Москве был объявлен манифест Александра II о крепостном праве. Нет сомнения в том, что ожидавшееся и предупрежденное газетами решение о крепостном праве могло в какой-то степени ослабить цензурные препоны, благодаря чему Худякову удалось опубликовать во втором выпуске значительно большее, чем в первом и в третьем выпусках, число сказок, в которых ярко выражен антикрепостнический характер. Эти сказки, по всей вероятности, очень близки тем, чтение которых, по выражению Худякова, «доставило удовольствие» агентам III отделения.

И тем не менее две трети сборника в целом составляют волшебные сказки. В. Г. Базанов и О. Б. Алексеева это обстоятельство оставляют без объяснения. Больше того, В. Г. Базанов попытался доказать, что комментарий Худякова при определенных условиях не был бы «археологическим», односторонним, направленным только в глубокую древность, в дебри мифологии» (стр. 14). При всем сочувствии к сказанному В. Г. Базановым, мы вынуждены заметить, что по крайней мере внешне не совпадают факт преобладания в сборнике волшебных сказок и заверенная В. Г. Базановым антипатия Худякова к «дебрям мифологии». В. Г. Базанов утверждает это, «основываясь на опубликованных статьях Худякова», но избегает основываться и на анализе собственно сборника.

Разумеется, представленное в сборнике соотношение сказок разных жанров вряд ли было характерным для тех мест, где записывал Худяков, в особенности для Москвы и среднерусских губерний⁶. Худяков записывал разнообразнейший в жанровом отношении материал, но, публикуя сказки, он исходил из определенных задач. По всей вероятности, учитывая цензурную историю сборника и характер опубликованных текстов (об этом см. ниже), основной своей целью он ставил публикацию сказок, более всего отражающих современную действительность, независимо от их жанровой принадлежности. Не менее важной задачей для Худякова была публикация тех русских сказочных сюжетов, которые им впервые вводились в научный оборот.

Как упоминает и В. Г. Базанов, почти одновременно со сказками Худякова публиковались сказки А. Н. Афанасьева. В течение 1855—1861 гг. вышло 6 выпусков сказок А. Н. Афанасьева, последние из них выходили в те годы, когда Худяков начал публиковать свои записи. Он был знаком по крайней мере с 5 выпусками сказок Афанасьева.

В комментариях издания В. Г. Базанова и О. Б. Алексеевой очень тщательно и скрупулезно проводится сравнение сказок Худякова со сказками Афанасьева, но почему-то сравнение ведется с новейшими изданиями сказок Афанасьева, дополненными материалами из его архива, и даже с непубликовавшимися текстами из того же архива. Это очень полезно, однако следовало бы как-то выделить и действительно сопоставимое. Именно сопоставление сюжетного репертуара 5 выпусков сказок Афа-

³ И. Худяков, По поводу двух выпусков песен П. В. Киреевского, «Московские ведомости», 1861, № 44, стр. 357.

⁴ М. М. Клевенский, И. А. Худяков — революционер и ученый, М., 1929, стр. 40.

⁵ Н. П. Андреев, Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне, Л., 1929, № 161; В. Я. Пропп, Указатель сюжетов, № 161 (Народные русские сказки А. Н. Афанасьева, Изд. 6, М., 1957, т. 3). В дальнейшем в случае номерного совпадения сюжетов в указателях Н. П. Андреева и В. Я. Проппа мы будем давать то же сокращение — АП и соответствующий номер.

⁶ Ср. указанное Э. В. Померанцевой соотношение прозаических жанров: Э. В. Померанцева, Некоторые особенности русской пореформенной сказки, «Сов. этнография», 1956, № 4, стр. 35.

насыева, известных Худякову, с сюжетным репертуаром сборника самого Худякова ясно показывает, что Худяков как бы дополнял афанасьевские выпуски своими публикациями. Он либо вводил в свой сборник сюжеты, не встречающиеся в этих выпусках, — а к таким в сборнике как раз относятся преимущественно волшебные сказки, — либо давал по несколько вариантов в том случае, когда у Афанасьева имеется лишь один или два варианта данного сюжета. Худяков опубликовал до 40 сюжетов волшебных сказок раньше, чем их опубликовал Афанасьев. Отчасти именно этим, по нашему мнению, объясняется преобладание волшебных сказок в сборнике Худякова. Не имея возможности печатать слишком по-современному звучащие сказки, он вводит в свой сборник сказки, еще не введенные в научный оборот или известные только по иностранным вариантам.

В целом же в сборнике Худякова опубликовано 9 волшебных и 12 новеллистических сюжетов⁷, совсем не встречающихся в первом издании сказок Афанасьева и его же «Народных русских легендах». А ведь эти собрания Афанасьева по числу текстов в несколько раз превышают сборник Худякова.

Обращает на себя внимание и тот факт, что в первом издании Худякова сказки о животных представлены лишь одним сюжетом. Очевидно, Худяков не хотел повторять публикации сказок о животных, богато представленных у Афанасьева. Видимо, сказки о животных меньше интересовали Худякова, чем волшебные и новеллистические сказки, в которых ярче выражены торжество правды, борьба со злом и ложью, борьба бедного и богатого, в которых воспеваются подвиг и осмеиваются поп и барин.

По мнению С. В. Савченко, отсутствие сказок о животных «быть может, стоит в связи с тем, что записи делались в местностях, тронутых уже культурой»⁸. Однако исследователь при этом не доказывает, что сказки о животных отмирают раньше, а не позже, например, сказок волшебных.

Отсутствие сказок о животных в сборнике, возможно, вызвано еще тем, помимо сказанного нами, что Худяков записывал сказки преимущественно от мужчин. Сказки о животных рассказываются обычно женщинами и реже — мужчинами. В сборнике Худякова мы встречаем упоминания об 11 «рассказчиках», из них только трое — женщины.

У Худякова мы не встретим характеристики сказочников, что, впрочем, отвечало тогдашним научным требованиям. Упомянув об одном из них, П. А. Антонове, Худяков замечает: «Он вполне всрит всему, что рассказывает. Вера в языческое чудесное еще в высшей степени распространена в народе; так, например, в этом же Жолчине одна баба на могиле только что похороненного родственника кричала, чтобы он встал к ней змеем. Это было летом нынешнего года». Это краткое замечание Худякова прямо перекликается с известной рецензией Добролюбова на 3-й и 4-й выпуски сказок Афанасьева. В своей рецензии Добролюбов писал, что необходимо уяснить, «в каком отношении находится народ к рассказываемым им сказкам и преданиям, верит ли народ в действительное существование сказочных чудес, считает ли реальным могущество знахарей и колдунов. «Живой ответ... дает возможность приять сказания как одно из средств для определения той степени развития, на которой находится народ»⁹.

И записи, особенно быличек и волшебных сказок, опубликованных Худяковым, и то короткое его замечание ясно показывают, что он смог дать «живой ответ» на поставленные Добролюбовым вопросы.

В отношении научной паспортизации сборник Худякова серьезно уступает первому изданию сказок Афанасьева. Возможно, отсутствие комментариев отчасти вызвано или заменено тем, что варианты полных и тех же сюжетов Худяков ввел непосредственно в сборник, благодаря чему необходимость комментария частично отпала. Так, из волшебных сюжетов пятнадцать представлены двумя вариантами¹⁰, шесть сюжетов — тремя вариантами¹¹, сюжет «Девушка, встающая из гроба» (А 307) — четырьмя вариантами, сюжет «Чудесные дети» (АП 707) — пятью вариантами, сюжет «Мачеха и падчерица» (А 480) — шестью вариантами, сюжет «Три царства»

⁷ По указателю Аарне-Андреева волшебные сюжеты: № (284 * В), (307), 304, 311, *515 I, 575, 592, 707, *707 I. Новеллистические сюжеты и мотивы: № *884 I, *905, 915, 1000, 1013, 1165 *, 1225, 1289, 1405, *1681 II, 1739, 1775. Необходимо отметить, что некоторые из них контаминированы с известными по первоизданиям сказок Афанасьева. Кроме того, Худяков опубликовал четыре былички, не имеющие соответствия и по указателю Аарне-Андреева, см. № 40, I вып. (№ 59 нов. изд.), № 91, 106, 107, 110, III вып. (соответственно № 94, 112, 74, 83 нов. изд.). В дальнейшем мы таким же образом будем делать ссылки на оба издания сказок Худякова.

⁸ С. В. Савченко, Указ. раб., стр. 149.

⁹ Н. А. Добролюбов, Полное собр. соч., 1934, т. I, стр. 433.

¹⁰ АП *313 I, 315 A, 325, 403 B, 428, 465 A, 502, 510 B, 559, 563, 566, 709; А *515 I, 592.

¹¹ АП 313, 400 A, 507 B, 552, 560, 567.

(А 301 В, П 301) — восемью вариантами. Из новеллистических сюжетов и мотивов шесть представлены двумя вариантами¹², и три сюжета — тремя вариантами¹³. Худяков неоднократно записывал варианты одного и того же сюжета в одном и том же месте и при публикации помещал их обычно один за другим. Этот момент упускает из виду В. Г. Базанов, утверждая, что у Худякова «не было и не могло быть продуманной системы публикации» (стр. 11).

За исключением трех случаев¹⁴, мы не встречаем оговоренных Худяковым пропусков в сказках. Поэтому можно с большей вероятностью предположить, что остальные случаи пропусков в сказках, стяжения текстов или неожиданного, ничем не мотивированного отклонения от традиционного сюжета объясняются не исполнительской манерой того или другого сказочника, а вмешательством цензуры¹⁵.

Чаще всего в примечаниях Худяков варьирует публикуемый текст. Обычно он это делает с целью показать, что существует другая трактовка данного эпизода или данного сюжета или что для данной сказки характерны и другие эпизоды, детали, мотивы¹⁶. Тем самым проявляется и другая, не менее важная цель варьирования — стремление оттенить образы, фигурирующие в сказках, обрисовать их более четко и выпукло. Так, в сказке «Барин и петух» (сюжет «Петух и жорновцы» — АП 715) «Косой барин» не в силах сладить с настойчивостью неугомонного петуха и вынужден отдать жернова. Сказка заканчивается мирно: барин не наказывается. Но в примечаниях Худяков сжато пересказывает новый эпизод этой сказки, эпизод, в котором барин наказывается за жадность¹⁷. Кстати, Худяков первым опубликовал этот эпизод.

Очень важно, что к сказкам, где, казалось бы, более полно уцелел миф, Худяков совсем не дает вариантов. Таким образом, и варьирование текстов было подчинено той же цели, какой был подчинен отбор сказок.

Сказки Худякова ярко отражают современную действительность в народном ее понимании. Нередко уже с самого начала в сказках говорится о безвыходности положения крестьянина. «Жил-был сын с матерью, они бедно жили, умер отец, оставил им три денежки», — начинается одна сказка¹⁸. «Жил муж с женой скудно. У них нет ничего», — говорится в другой¹⁹. Или: «Жил старик со старухой в великой бедности»²⁰. Иногда этот лейтмотив переходит в горькую иронию: «Жил-был Степан Богатый, не имел ни двора, ни кола, ни куриного пера»²¹.

Противопоставление бедного богатому, мужика — хозяину, попу, барину, царю часто с самого начала переходит в острый конфликт: «Жили два брата мельники. Вот один брат мелет муку, доброго берет, а другой подешевле. Вот у этого, который дешевле мелет, народу очень много. Вот другому брату стало завидно...»²².

Героями волшебной сказки, кроме традиционных царей, царских дочерей и сыновей, в сборнике Худякова становятся также генералы, министры, офицеры, жандармы, казаки. Очень часто главным героем сказки оказывается купеческий сын, и к нему сочувственно относятся рассказчики²³. Традиционный образ царского сына, великодушно помогающего преследуемым и обездоленным и совершающего подвиги во имя правды и счастья людей, нередко получает иную интерпретацию. Вот царевич попадает в дом, и хозяин дома приветствует его: «— Здравствуй, Димитрий-царевич! я тебя столько ждал. Что ты волею или неволею, или своею большой охотой дела пытаешь, или от дела лытаешь?»

Он, как царский сын, на старика закричал: — Старый чорт! не напойл, не накормил, а спрашиваешь!

Старик на него взглянул (со) свирепым видом и говорит: — Я, говорит, таких не люблю, хоть ты и царский сын, я постарее тебя!

¹² АП 1045, 1063, 1071, 1072, 1132, 1640.

¹³ АП 850, 1130; А 1000.

¹⁴ См. прим. к № 6, 24, 33, I вып. (№ 120, 103, 107 нов. изд.).

¹⁵ См., например, № 9, 28, I вып., а также № 85, 92, III вып. с очень примирительной концовкой. Пропуски заметны в № 119, 121 III вып., причем в последней сказке из-за этого даже трудно уловить фабулу (по нов. изд., соответственно № 91, 105, 65, 69, 86, 88).

¹⁶ См. прим. к № 27, I вып., № 50, 60, 66, 80, II вып., № 95, 116, 117, III вып. (по нов. изд. № 93, 10, 19, 25, 38, 73, 110, 53).

¹⁷ См. № 66, II вып., стр. 109 (№ 25 нов. изд.). Ср. текст, приведенный Афанасьевым: «Народные русские легенды», М., 1859, № 33, стр. 109—111.

¹⁸ № 8, I вып. (№ 41 нов. изд.).

¹⁹ № 26, I вып. (№ 52 нов. изд.).

²⁰ № 45, II вып. (№ 5 нов. изд.).

²¹ № 98, III вып. (№ 70 нов. изд.).

²² № 47, II вып. (№ 7 нов. изд.).

²³ См. подробнее об этом: Э. В. Померанцева, Указ. раб., стр. 40—41.

И закричал: «взять его в темницу и давать ему в сутки фунт воды и фунт хлеба»²⁴.

В ряде сказок вместо царского сына фигурирует барин. В сказке «Степан Богатый» (сюжет «Кот в сапогах», АП 545 В) вместо традиционных царя, змея и подобных владельцев несметных богатств выступают барин Цыгарин и барыня Цыгарыня²⁵. Барину даже приписывается сверхъестественная сила: в быличке «Муж с женой» традиционный леший или черт появляется в образе барина. «Они (бары.— Ю. С.) были волшебники и они же делали дом под водой»,— поясняет рассказчик²⁶.

Большинство конфликтов, завязывающихся в волшебных сказках, чаще всего между царем (царской дочерью) и мужиком, заканчивается примирительно. Обычно мирная концовка не свойственна вариантам того или иного сюжета, известных нам затем уже в поздних записях²⁷. Мотив наказания царя мы встречаем в основном в сказках книжного происхождения. Король даже на коленях просит помилования у дурового Аполлона-вора²⁸. В другой сказке герой, наказав царя, «сам занял место царское и стал править новым царством», как указывает Худяков в примечании²⁹.

Корыстолюбие, трусость, жадность, зверское отношение к слугам и крестьянам — вот что характеризует бар и попов в сказках Худякова. В то же время подчеркивается человечность простых людей. Даже собака превращается в человека «лучше барыни»³⁰. С острой насмешкой описываются приключения незадачливого барина в сказке «Алеша тюк-тюрю-рюк», которого морит голодом и избивает собственный слуга³¹.

Но не всегда в сказках побеждает слуга или мужик. Власть барина еще не сломлена. Характерна в этом отношении быличка «Ночь на Ивана Купалу». В ней «холоп кабальный» в ночь на Ивана Купалу отправляется в лес за цветком папоротника, чтобы затем с его помощью достать клад. И ему удалось в конце концов, несмотря на все хитрости чертей, сорвать цветок, но когда черт появился перед ним в виде барина, «струсил холоп, злой был у него барин, да и вышел с палкой». Отдал ему холоп цветок, «вдруг барин провалился сквозь землю, цветка не стало и петухи запели»³².

Антипоповские сказки также занимают видное место в сборнике. Худяков первым вводит в научный оборот сказку «Сын-бычок», вариант известного сюжета «Как поп телился» (А 1739). Его варианты сказки «Поп и работник»³³, первообраза пушкинского «Балды», представляют собой полные очень интересные тексты, несмотря на то, что цензура стремилась смягчить их социальный характер, вычеркивая эпизод расплаты работника с попом³⁴.

Собиратель был далек от идеализации крестьянства. Эту черту у Худякова отмечал еще М. М. Клевенский³⁵. Поэтому не удивительно, что в сказках его записи проскальзывает умиление царем или царскими детьми³⁶, подчеркивается, что «солдаты бояся генерала пуще царя»³⁷. «Конечно, это басня, чего не возможно, того не желай: от мала будь доволен. Многое пожелаешь, последнее потеряешь»,— заканчивается непротивленческой моралью одна из сказок³⁸. В сказке «Кузьма Серафонтых» герой отправляется совершать богатырские подвиги ради того, чтобы закупить лошадей и хорошо зажить³⁹.

Сказки Худякова насыщены чертами современного ему крестьянского и барского быта. Влияние господствующей культуры особенно сильно сказалось на текстах, записанных, по-видимому, от дворовых. Подчас сказочные эпизоды приобретают совершенно новое переосмысление. Герои должны свернуть камень, чтобы попасть в подземное

²⁴ № 41, II вып. (№ 1 нов. изд.).

²⁵ № 98, III вып. (№ 70 нов. изд.).

²⁶ № 29, I вып., стр. 114 (№ 96 нов. изд.). В указателе Андреева соответствия нет.

²⁷ Ср., например, № 92, III вып. (№ 65 нов. изд.) с публикациями Афанасьева и поздними записями.

²⁸ № 35, I вып., стр. 127 (№ 122 нов. изд.).

²⁹ № 80, II вып., стр. 138 (№ 38 нов. изд.). По всей вероятности, эта фраза принадлежит самому Худякову и не принадлежит варианту, который им неоднократно цитируется.

³⁰ № 9, I вып., стр. 42 (№ 91 нов. изд.).

³¹ № 70, II вып. (№ 29 нов. изд.).

³² № 107, III вып. (№ 74 нов. изд.). В указателе Андреева соответствия нет.

³³ № 27, I вып., № 71, II вып., № 95, III вып. (№ 93, 30, 73 нов. изд.). К последнему приложены любопытные варианты, подчеркивающие превосходство представителя низов над дворянином.

³⁴ По нашему мнению, на антипоповской сказке «Коза золотые рога» также сказало действие цензуры: см. № 99, III вып. (№ 106 нов. изд.).

³⁵ М. М. К л е в е н с к и й, Указ. раб., стр. 65.

³⁶ № 112, III вып. (№ 85 нов. изд.).

³⁷ № 90, III вып. (№ 75 нов. изд.).

³⁸ № 3, I вып., стр. 19 (№ 118 нов. изд.).

³⁹ № 51, II вып. (№ 11 нов. изд.).

царство, поэтому они «зарядили пушки, ядрами весь этот камень расстреляли»⁴⁰. Братья соглашаются отдать с правых рук по мизинцу за Жар-птицу, потому что «мы ведь кушаем в перчатках: никто не узнает, что у нас пальцев нет»⁴¹.

Наиболее сильное влияние господствующей структуры отразилось на языке сказок. Худяков публиковал свои записи на литературном языке, что признавалось рецензентами как достоинство сборника⁴². Наряду с этим Худяков отмечал курсивом просторечные и диалектные слова, почти каждый раз при этом поясняя их. Нередко им отмечались также особенности народного синтаксиса. Ту же работу он проделал и со словами и выражениями, занесенными господствующей культурой. В новом издании публикаторская работа Худякова незаметна. Курсив Худякова всюду снят. Его примечания; сопровождавшие непосредственно тексты, отнесены, к сожалению, в конец сборника и включены в комментарий составителей нового издания.

Говоря о новом издании, нельзя не дать оценки вступительной статье В. Г. Базанова. В ней удачно обрисованы некоторые моменты деятельности Худякова, как фольклориста и просветителя, причем В. Г. Базановым привлечен ряд новых, ценных и интересных архивных материалов⁴³. Однако автор не смог показать Худякова как революционера, а без этого трудно судить и о просветительстве Худякова, чему во многом посвящена вступительная статья. Этот «спорный вопрос каракозовского дела» по-прежнему открыт, поскольку В. Г. Базанов, подобно большинству исследователей, пытался его разрешить на очень узком круге источников, в рамках традиционного представления о том, будто Худяков был всего лишь главой «филиала ишутинского кружка» в Петербурге (стр. 17 и сл.)⁴⁴. Очень странно, что В. Г. Базанов, заслуги которого в изучении русского революционного движения неоспоримы, в данном случае недостаточно раскрыл революционные связи Худякова.

Явно в связи с характером вступительной статьи стоит и библиография работ Худякова и литература о нем. Составленная без ссылки на это, в основном на библиографических указателях Е. А. Боброва, М. М. Клевенского и Л. Н. Пушкирева, она содержит много ошибок и неточностей⁴⁵. Не учтены перепечатки ряда работ, в том числе работ Худякова⁴⁶. Не приняты во внимание буквально десятки других, в которых что-то говорится о жизни и деятельности Худякова⁴⁷. И уж совсем непонятно,

⁴⁰ № 42, II вып., стр. 14—15 (№ 2 нов. изд.).

⁴¹ № 50, II вып., стр. 56 (№ 10 нов. изд.).

⁴² См., например, рецензию в «Книжном вестнике», 1861, № 7, стр. 105.

⁴³ Жаль, что при этом он избегает дать характеристику, например, автобиографии Худякова в списке ИРЛИ по сравнению с женеvским изданием.

⁴⁴ Новые архивные материалы, противоречащие этому традиционному представлению, см., например, в публикации: Н. Митина и Т. Федосова, Русско-польские революционные связи в подполье и ссылке (1864—1866). Восстание 1863 года. Материалы и документы, Москва — Wrocław, т. II; «Русско-польские революционные связи», М., 1963, стр. 538—647.

⁴⁵ Например, авторство брошюры «Белый террор или выстрел 4 апреля...» приписано издателю Э. Л. Каспровичу, хотя на самом деле ее автором является участник худяковского-ишутинской организации поэт Н. А. Вормс, который, кстати, был знаком с Худяковым и предположительно встречался с ним даже после судебного процесса. См. о нем, в частности, публикацию Б. П. Козьмина «Н. А. Вормс — Герцену и Огареву» — «Литературное наследство. Герцен и Огарев», М., 1955, т. 62, стр. 48—54.

⁴⁶ Здесь укажем хотя бы: I. Болгарский перевод худяковских «Рассказов о старинных людях», сделанный Любоном Каравеловым — «Разкази за старовременните хора. I. За старите индийци и египтяне»; «Разкази за старовременните хора. II. За старите финкияне, ассирияне и перси»; «Разкази за старовременните хора. III. За старите гръци»; «Разкази за старовременните хора. IV. За старите римляне»; «Разкази за старовременните хора. V. За старите евреи и китайци». Издала книжарница на Хр. Г. Данова и с-ие в Пловдив, в Русчук и въ в Велес, 1873—1874. 2. Французский перевод женеvского издания автобиографии Худякова — J. A. Khoudiakoff, Mémoires d'un révolutionnaire. Moeurs russes. Calmann Lévy, éditeur ancienne maison Michel Lévy frères, rue Auber, 3, Paris, 1889. 3. И. А. Худяков, Древняя Русь, New York, 1918, с предисловием Н. А. Рубакина.

⁴⁷ Назовем лишь несколько из них: А. Афанасьев, По поводу VI выпуска этнографического сборника («Книжный вестник», 1865, № 3, стр. 56—60: рецензия на сборник загадок, изданных Худяковым); А. А. Шинлов, Два документа, относящиеся к «Каракозовскому делу», — «Дела и дни. Исторический журнал», кн. 1, Пг., 1920, стр. 418—426; М. Клевенский, Ишутинцы в тюрьме и ссылке, «Красный Архив», 1929, № 2 (33), стр. 213—221. (В этой работе, между прочим, впервые частично используется донесение агента Трохимовича о Худякове, полностью опубликованное В. Г. Базановым в ж. «Русская литература», 1962, № 4.); М. Клевенский, «Европейский революционный комитет в деле Каракозова, в сб. «Революционное движение 1860-х годов», М., 1932, стр. 147—167; «Из разысканий о Некрасове в архивных фондах

почему в библиографии не названы сборники П. В. Шейна, в которых печатались песни, записанные Худяковым⁴⁸, тем более что В. Г. Базанов во вступительной статье цитирует неизвестное письмо Худякова П. В. Шейну по поводу издания песен (стр. 9).

Очевидно, что многогранная деятельность Худякова, крупного революционера-практика, талантливого просветителя и фольклориста, может быть показана лишь с использованием всей совокупности печатных и архивных материалов, характеризующих эпоху 60-х годов XIX в.

Ю. Смирнов

III Отделения и департамента полиции», публикация С. Макашина, «Литературное наследство», Н. А. Некрасов, М., 1949, т. 53—54, стр. 204—208. (Кстати, в библиографии В. Г. Базанова и О. Б. Алексеевой почти полностью отсутствует большая литература, посвященная отзыву Худякова о Некрасове в связи с «муравьевской» одой).

⁴⁸ «Русские народные песни, собранные П. В. Шейном», часть I, М., 1870. Песни, записанные Худяковым: № 14, 26, 38, 42, 45, 46, 47, 50, 80, 82, 83, 84, 87, 689, 197, 3; «Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п.», материалы, собранные и приведенные в порядок П. В. Шейном, т. I, вып. 1, СПб., 1898. Песни, записанные Худяковым: № 31, 92, 94, 102, 103, 126, 137, 475, 1037.

ОБЩАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

К. Штерн. *Основы генетики человека*. М., 1965, стр. 686.

Русская биологическая литература пока бедна сводными сочинениями, посвященными генетике (особенно генетике человека) и отражающими современные достижения этой области знания. Именно поэтому на русский язык переведены многие крупные зарубежные руководства по общей генетике, восполняющие этот существенный пробел, образовавшийся за последние 20 лет. Генетике человека повезло меньше — ей посвящена одна переводная книга Нилы и Шелла, к настоящему времени уже содержащая пробелы в освещении и трактовке новых фактов. Рецензируемая книга — одно из наиболее солидных руководств по генетике человека — до какой-то степени заполняет эту брешь.

Курт Штерн — один из крупнейших и старейших современных генетиков и селекционеров, профессор многих немецких и американских университетов, автор бесчисленных экспериментальных исследований, теоретических работ и общих обзоров. Книга его выдержала два издания на немецком и английском языках, причем и первое немецкое (1953 г.), и второе английское издания (1960 г.) заслужили высокую оценку специалистов за полную обзорность и ясность изложения самых трудных проблем генетики. Забегая вперед, следует сказать, что эта оценка вполне справедлива. Большой опыт автора и самостоятельная точка зрения на многие спорные вопросы придают книге вполне оригинальный характер, что отражается как в отборе данных, так и в манере подачи материала. Поэтому издательство «Медицина» сделало доброе дело, предложив русскому читателю перевод последнего издания книги. Однако из того факта, что книга вышла в издательстве медицинской литературы, не следует делать вывода о ее узко специальном характере и преимущественном внимании автора к медицинской генетике. Он действительно посвящает проблемам медицинской генетики больше чем половину книги, но это объясняется сравнительно простыми законами передачи по наследству многих наследственных болезней. Факты медицинской генетики очень иллюстративны, поэтому рассмотрение и обсуждение основных закономерностей наследования признаков полезно и интересно не только медику, но и антропологу, психологу, даже этнографу, так как Штерн научно обсуждает проблему накопления аномалий в близко родственных изолятах, а эта проблема имеет важное значение при изучении эндогамии и многих форм родственных браков в первобытном обществе.

Материал расположен в соответствии с генетической, а не с морфологической группировкой. Это значит, что излагаемые факты о наследовании тех или иных признаков группируются не по органам и системам человеческого тела, а по характеру наследования самих признаков. Иными словами, самые разнообразные признаки объединены в один раздел, если они наследуются тождественным или сходным образом. Этим книга Штерна отличается от самого крупного до нее руководства по генетике человека — двухтомной книги ныне покойного Рагза Гэйтса, вышедшей в 1946 г. и к настоящему времени значительно устаревшей. Для генетики такой подход — классификация генетических данных в соответствии с характером наследования — вполне оправдан, медику, антропологу и морфологу он затрудняет восприятие материала,